

*Моей матери, которая научила меня
любить книги и открыла двери в Нарнию,
Перн и Средиземье.*

*И моему отцу, который научил меня, что,
если уж собираешься что-то сделать, надо
делать это не торопясь и с умом.*

ВЫРАЖАЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ...

...Всем читателям черновых вариантов. Вас — легион, упомянуть всех невозможно, однако всех вас я люблю. Если я не бросил писать, то только благодаря вашей поддержке. Если я смог стать лучше, то только благодаря вашей критике. Если бы не вы, я бы не смог одержать победу...

...На конкурсе «Writers of the Future». Если бы не его мастер-классы, я никогда бы не встретился ни с моими замечательными товарищами по 18-му тому антологии, ни с...

...Кевином Дж. Андерсоном. Если бы не его советы, я бы никогда не познакомился с...

...Мэтгом Байалером, лучшим литагентом на свете. Если бы не его руководство, я бы никогда не продал эту книгу...

...Бетси Волхейм, замечательному редактору и директору издательства DAW. Если бы не она, вы не держали бы сейчас в руках эту книгу. Какую-нибудь похожую — может быть; но вот этой книги бы не существовало.

И, наконец, мистеру Бохейджу, моему школьному учителю истории. В 1989 году я ему обещал, что упомяну о нем в своем первом романе. А обещания надо выполнять!

ПРОЛОГ

Молчание в трех частях

Снова наступила ночь. Трактир «Путеводный камень» погрузился в молчание, и молчание это состояло из трех частей.

На поверхности лежала гулкая тишина, возникшая от того, чего там недоставало. Будь та ночь ветреной, ветер вздыхал бы в ветвях деревьев, поскрипывала бы трактирная вывеска, раскачиваясь на крюках, и молчание унеслось бы прочь по дороге, как прошлогодняя палая листва. Будь в трактире толпа народа — или хотя бы небольшая компания, — молчание наполнилось бы болтовней и смехом, топотом и гвалтом, какие ожидаешь услышать из питейного заведения в глухой ночной час. Играй здесь музыка... но нет, конечно, музыки не было. На самом деле ничего этого не было, и молчание никуда не девалось.

В «Путеводном камне» в углу у стойки притулились двое. Они пили с молчаливой решимостью, избегая всерьез обсуждать тревожные вести. И тем самым добавляли к большой, гулкой тишине свое маленькое, угрюмое молчание. Вместе они образовывали некий сплав, своего рода контрапункт.

Третье молчание заметить было не так просто. Но, если вслушиваться в течение часа, его можно было ощутить в деревянном полу под ногами, в грубых, потрескавшихся бочках за стойкой. В массивности черного каменного очага, хранящего жар давно потухшего огня. В медленных взмахах белой тряпки, скользящей вдоль досок стойки. И в руках стоящего за стойкой

Пролог. Молчание в трех частях

человека, упорно полирующего красное дерево, которое уже и так блестело в свете ламп.

Человек был ярко-рыжий — рыжий, как огонь. Глаза у него были темные и отстраненные, и двигался он с ненавязчивой уверенностью, свойственной тем, кому многое известно.

«Путеводный камень» принадлежал ему, и третье молчание — тоже. Неудивительно, что молчание это было самым большим из трех: оно окутывало два первых, поглощало их — бездонное и безбрежное, словно конец осени, тяжелое, как ока-таный рекой валун. То была терпеливая покорность срезанно-го цветка — молчание человека, ожидающего смерти.

ГЛАВА 1

Место для демонов

Был вечер поверженья, и в трактире «Путеводный камень» собрались привычные завсегдатаи. Пять человек — сборище небольшое; однако же нынче в «Путеводном камне» редко собиралось больше пятерых — такие уж времена настали.

Старина Коб честно играл свою роль рассказчика и советчика. Люди у стойки попивали пивко и слушали. В каморке за стойкой молодой трактирщик стоял, прячась от глаз за дверь, и улыбался, слушая знакомую историю.

— Вот как-то раз очнулся Таборлин Великий и видит, что заточили его в высокой башне. У него отобрали меч и лишили его всех волшебных предметов: ключ, монетка, свеча — все пропало. Но если бы только это! Видит он... — Коб выдержал паузу для пущего эффекта, — что все лампы на стенах горят синим пламенем!

Грэм, Джейк и Шеп кивнули. Трое друзей выросли вместе, слушая рассказы Коба и не слушая его советов.

Коб пристально посмотрел на своего самого нового и самого внимательного слушателя — ученика кузнеца.

— А знаешь ли ты, мальчик, что это означает?

Кузнецова ученика все звали «мальчиком», хотя он был на ладонь выше остальных. Маленькие городки — дело такое: ходить ему в «мальчиках» до тех пор, пока бородой не обрастет или пока нос кому-нибудь не расквасит за «мальчика».

Мальчик медленно кивнул:

— Чандрианы.

— Верно! — одобрительно протянул Коб. — Чандрианы! Синий огонь — один из их знаков. И вот, значит, он...

— Но как же они его нашли-то? — перебил мальчик. — И почему не убили сразу, пока была возможность?

— Помолчи пока, дослушаешь до конца — все поймешь, — сказал Джейк. — Пусть рассказывает!

— Да ладно тебе, Джейк, — возразил Грэм. — Мальчику просто любопытно. А ты пей, пей свое пиво!

— Да я уж все выпил! — буркнул Джейк. — Я бы еще взял, да трактирщик наш до сих пор у себя в каморке крыс свежует!

Джейк гулко постучал пустой кружкой по стойке красного дерева и крикнул:

— Эгей! Мы тут от жажды помираем!

Появился трактирщик с пятью мисками рагу и двумя караваемыми теплого хлеба. Он проворно и деловито налил Джейку, Шепу и Старине Кобу еще пива.

Посетителям временно стало не до историй — они занялись ужином. Старина Коб умял рагу с хищной деловитостью записного холостяка. Остальные еще только на миски дули, а Коб уже дожевал свой хлеб и вернулся к рассказу.

— Так вот, Таборлину надо было сбежать, однако, оглядевшись по сторонам, он увидел, что в его темнице нет ни двери, ни окон. Всюду, куда ни глянь, — сплошной гладкий твердый камень. Из такой темницы ни одному человеку не вырваться.

Но Таборлин знал имена всего, что есть на свете, и потому все на свете повиновалось его слову. И сказал он камню: «Рассыпья!» — и камень рассыпался. Стена разорвалась, точно бумага, и сквозь пролом увидел Таборлин небо и вдохнул душистый весенний воздух. Шагнул он на край, посмотрел вниз и, не раздумывая, бросился в пропасть...

Глаза у мальчика расширились:

— Не может быть!

Коб кивнул с серьезным видом:

— Таборлин рухнул вниз, но не отчаялся. Ибо он знал имя ветра, и потому ветер подчинился ему. Заговорил он с ветром, и ветер ласково подхватил его в свои объятия. Он опустил Таборлина на землю легко, точно пушинку, и поставил его на ноги нежно, точно матушка поцеловала.

Очувтившись на земле, Таборлин ощупал свой бок там, куда его пырнули, и увидел, что на том месте не осталось и царапины. Может быть, ему просто повезло, а может быть, — Коб многозначительно постучал себя пальцем по носу, — дело было в том амулете, что он носил под рубахой.

— В каком амулете? — жадно спросил мальчик с набитым ртом.

Старина Коб уселся поудобнее, радуясь случаю рассказать поподробней.

— За несколько дней до этого Таборлин встретил на дороге лудильщика. И, хотя еды у Таборлина было в обрез, он поделился со стариком своим обедом.

— И правильно сделал! — вполголоса сказал мальчику Грэм. — «За добро лудильщик платит сторицей», это всякий знает.

— Не-не! — проворчал Джейк. — Это не так говорится! «Лудильщика совет дороже ста монет».

Тут заговорил трактирщик — впервые за весь вечер:

— На самом деле, вы забыли больше половины, — сказал он, стоя в дверях за стойкой.

Лудильщик платит всякий раз:
За товары платит раз,
За добро он платит вдвое,
За обиду — даже втрое.

Люди у стойки были как будто удивлены, услышав Коута. Они много месяцев подряд собирались в «Путеводном камне» каждый вечер поверженья, но до сих пор Коуту ни разу не случилось вставить слово в разговор. Впрочем, этого следовало ожидать. Он же приехал в городок всего год назад, или около того. И до сих пор считался за чужака. Вон, ученик кузнеца живет в городке с одиннадцати лет, а все равно о нем говорили «тот мальчишка из Рэнниша», как будто Рэнниш где-то в чужих краях, а не в тридцати милях отсюда.

— Просто слышал когда-то, — пояснил Коут, чтобы нарушить воцарившееся молчание. Он явно смутился.

Старина Коб кивнул, прочистил горло и вернулся к рассказу.

— Так вот, амулет тот стоил целого ведра золотых ноблей, однако за Таборлинову доброту лудильщик продал ему этот амулет всего лишь за железный пенни, медный пенни да серебряный пенни. Амулет был черен, как зимняя ночь, и холоден как лед на ощупь, но, пока Таборлин носил его на шее, никакая нечисть ему была не страшна — демоны там, и все прочее.

— Ох, в наше время я бы за такую вещь хорошие деньги отдал! — угрюмо сказал Шеп. Нынче вечером он пил больше всех, а разговаривал меньше всех. Все знали, что вечером в возжиганье на хуторе у него стряслось что-то дурное, но все они были хорошими друзьями и понимали, что не стоит вытрясать из человека подробности. По крайней мере, не сейчас, пока все еще почти трезвые.

— Ну а кто бы не отдал? — рассудительно сказал Старина Коб, хорошенько приложившись к кружке.

— А я и не знал, что чандрианы — демоны, — сказал мальчик. — Я слышал, будто...

— Не, не демоны они! — твердо заявил Джейк. — Это были первые шестеро, что отреклись от выбора пути, предложенного Тейлу, и Тейлу проклял их и заставил вовеки скитаться...

— Ну что, Джейкоб Уокер, дальше сам рассказывать будешь? — резко осведомился Коб. — Коли так — пожалуйста, продолжай!

Они некоторое время сердито смотрели друг на друга. Наконец, Джейк отвернулся и пробормотал что-то, что вполне могло сойти за извинение.

Коб снова обернулся к мальчику.

— В том-то и вся тайна чандриан, — объяснил он. — Откуда они являются? Куда деваются, сделав свое кровавое дело? Кто они — люди, продавшие душу? Демоны? Духи? Никто не знает!

Коб бросил на Джейка взгляд, исполненный глубокого пренебрежения.

— Конечно, любой недоумок утверждает, будто он-то знает...

И рассказ плавно перешел в бурный спор о природе чандриан, о знаках, по которым осмотрительный человек может узнать об их присутствии, и о том, мог ли этот амулет защитить Таборлина от разбойников, бешеных собак и падения с лоша-

ди. Спор становился все жарче, но тут входная дверь с грохотом распахнулась.

Джейк оглянулся:

— А-а, Картер, ты как раз вовремя! Объясни ты этому проклятому тупице, в чем разница между демоном и собакой! Всякий же зна...

Тут Джейк осекся на полуслове и бросился к двери.

— Тело Господне, что с тобой такое?

Картер вышел на свет. Лицо у него было бледное и в крови. Он прижимал к груди старую попону. В попону было завернуто что-то странное и громоздкое, как охапка хвороста.

Его приятели вскочили с табуретов и кинулись к нему.

— Все нормально, — говорил Картер, медленно идя через зал. Он бешено косил глазом, как испуганная лошадь. — Все нормально. Все нормально...

Сверток он свалил на ближайший стол. Раздался стук, как будто в попоне были камни. Одежда Картера была крест-накрест иссечена длинными, прямыми разрезами. Серая рубаша свисала длинными лоскутами, не считая тех мест, где она прилипла к телу, пропитанная липким и красным.

Грэм попытался было усадить его на стул:

— Матерь Божия, Картер! Садись скорее! Что случилось-то? Да садись, садись!

Картер упрямо потряс головой:

— Да говорю ж вам, все нормально! Не так уж сильно меня и поранило.

— Сколько их было-то? — спросил Грэм.

— Один, — ответил Картер. — Но только это не то, что вы думаете...

— Ох ты ж Господи ты Боже ж мой! Говорил я тебе, Картер, — выпалил Старина Коб с тем гневом и страхом, какой способны испытывать только родственники да близкие друзья, — сколько месяцев тебе говорил: не ездь в одиночку! Даже в Бейдн не ездь! Опасно это!

Джейк успокаивающе положил руку старику на плечо.

— Да ты сядь, сядь! — говорил Грэм, все стараясь усадить Картера на стул. — Давай-ка рубашу снимем, раны промоем...

Картер помотал головой:

— Да все нормально! Да, меня тоже слегка поранило, но кровь-то в основном Неллина. Эта тварь на нее наскочила и убила. Не доезжая двух миль до города, за Старокаменным мостом.

Услышав новость, все приумолкли. Ученик кузнеца сочувственно положил руку на плечо Картеру:

— Вот черт! Горе-то какое! А ведь кроткая была, как ягненок. Ни разу не попыталась ни укусить, ни брыкнуть, когда ты ее ковать приводил... Лучшая лошадь во всем городке! Черт. Я...

Он осекся.

— Черт. Даже не знаю, что и сказать...

Мальчик беспомощно озирался.

Коб наконец стряхнул с себя руку Джейка.

— Говорил я тебе! — повторил он, тряся пальцем перед Картером. — Нынче на дорогах такой народ, что за пару пенни укокошат, не то что за лошадь с телегой! И что ж ты теперь делать-то станешь? Сам в телегу впряжешься?

Повисло неловкое молчание. Джейк с Кобом свирепо уставились друг на друга, а прочие, казалось, не находили слов, не зная, чем утешить друга.

В тишине бесшумно вошел трактирщик с охапкой всякой всячины. Он ловко обогнул Шепу и принялся раскладывать и расставлять на столе все принесенное: миску горячей воды, ножницы, чистые тряпки, несколько стеклянных пузырьков, иголку и жилы.

— А вот кабы он меня слушался, такого бы не случилось! — бормотал Старина Коб. Джейк пытался его утихомирить, но Коб только отмахивался. — А я что, я ж правду говорю! Нелли, конечно, ужас как жалко, но пусть хоть теперь послушает, а то ведь пропадет в конце концов! С такими людьми во второй раз не свезет!

Картер стиснул губы в ниточку, протянул руку и дернул за край окровавленной попоны. Содержимое свертка перевернулось, цепляясь за ткань. Картер дернул сильнее. Раздался стук, как будто на стол вывернули мешок речных гольшей.

Это был паук, размером с тележное колесо и черный, как грифель.

Ученик кузнеца отскочил, налетел на стол, опрокинул его и сам едва не упал. У Коба отвисла челюсть. Грэм, Шеп и Джейк

издали испуганные нечленораздельные возгласы и попятились, вскинув руки к лицу. Сам Картер отступил назад дерганым движением, смахивающим на нервный тик. Молчание окатило комнату, точно холодным потом.

Трактирщик нахмурился.

— Не могли же они успеть проникнуть так далеко на запад! — тихо сказал он.

Если бы не молчание, вряд ли кто-нибудь его бы услышал. Но его услышали. Услышали, отвели взгляд от твари на столе и немо уставились на рыжего.

Джейк обрел дар речи первым:

— А ты знаешь, что это?

Взгляд у трактирщика был отсутствующий.

— Скрель, — рассеянно ответил он. — А я-то думал, горы...

— Скрель?! — вклинился Джейк. — Обгорелое тело Господне, Коут! Тебе что, случилось их видеть?

— Что-что? — рыжий трактирщик вскинул глаза, как будто вдруг вспомнил, где находится. — А-а! Нет-нет. Нет, конечно!

Трактирщик обнаружил, что он — единственный, кто находится на расстоянии вытянутой руки от темной твари, и аккуратно сделал шаг назад.

— Слышал просто.

Все уставились на него.

— Помните того торговца, что проезжал тут пару оборотов назад?

Все закивали.

— Этот ублюдок пытался с меня содрать десять пенни за полфунта¹ соли! — задумчиво сказал Коб: он на это жаловался, наверное, раз в сотый.

— А зря я ее тогда не купил, — буркнул Джейк. Грэм молча кивнул.

— А-а, шим паскудный! — бросил Коб, похоже, находя утешение в привычных словах. — Два бы я еще заплатил в тяжелые времена, но десять — это уж грабеж!

— Если по дорогам такие твари бегают — то, может, и не грабеж, — угрюмо возразил Шеп.

И все снова посмотрели на тварь на столе.

¹ Фунт — 454 г (здесь и далее примечания переводчика).

— Он мне говорил, будто их видели там, за Мелькомбом, — быстро сказал Коут, глядя в лица завсегдатаев, рассматривающих тварь. — Я-то думал, он просто цену норовит набить...

— А больше он ничего не говорил? — спросил Картер.

Трактирщик вроде как призадумался, потом пожал плечами:

— Да я особо не расспрашивал. Он и в городке-то провел не больше пары часов.

— Не люблю пауков! — сказал ученик кузнеца. Он так и держался в пятнадцати футах от стола. — Накройте его!

— Это не паук, — возразил Джейк. — У него глаз нет.

— И рта тоже, — заметил Картер. — Как же оно жрет-то?

— И что оно жрет? — угрюмо спросил Шеп.

Трактирщик по-прежнему с любопытством разглядывал тварь. Он подался ближе, протянул руку. Все подались подальше от стола.

— Ты поосторожней! — сказал Картер. — У него лапы острые, как ножи.

— Скорее как бритвы, — сказал Коут. Его длинные пальцы коснулись черного, без отметин тела. — Оно гладкое и твердое, как глиняный горшок.

— Не трогайте вы его, а? — сказал ученик кузнеца.

Трактирщик осторожно, опасливо взялся за гладкую, длинную лапу и попытался сломать ее двумя руками. Как палку.

— Не-ет, это тебе не горшок! — поправился он. Он положил лапу поперек ребра столешницы и навалился на нее всем весом. Лапа переломилась с громким треском. — Как камень, скорее.

Он посмотрел на Картера:

— Откуда на нем столько трещин?

Трактирщик указал на мелкие трещинки, которыми была усеяна глянцеви́тая черная поверхность тела.

— На него Нелли упала, — сказал Картер. — Эта тварь прыгнула с дерева и попыталась взобраться на нее, всю ее изрезала своими лапами. Шустрая такая... Я даже и не понял, что происходит...

Картер наконец-то рухнул на стул, заботливо подставленный Грэмом.

— Нелли запуталась в своей упряжи и упала, сломала твари несколько лап. И тогда тварь накинулась на меня, вспрыгнула и поползла по мне...

Картер обнял себя за плечи поверх окровавленной рубахи. Его передернуло.

— Я сумел ее с себя стряхнуть, стал топтать ногами изо всех сил. А потом она снова на меня накинута...

Картер осекся. Лицо у него посерело.

Трактирщик кивнул про себя, продолжая ощупывать тварь.

— Крови нет. Внутренних органов нет. Внутри сплошная серая масса.

Он потыкал ее пальцем:

— Как гриб.

— Ох, Тейлу милосердный, да оставьте же вы ее! — взмолился ученик кузнеца. — Пауки иногда и дохлые дергаются!

— Да что вы мелете! — уничтожающе бросил Коб. — Пауков размером с поросенка не бывает! А то вы не знаете, что это такое!

Он огляделся, посмотрел в глаза каждому из присутствующих:

— Это же демон!

Они посмотрели на потрескавшуюся тварь.

— Да иди ты! — возразил Джейк, больше по привычке. — Это же не какой-нибудь... — он сделал неопределенный жест. — Не может же это быть...

Все понимали, о чем он думает. Разумеется, демоны существуют. Но демоны — это же как ангелы Тейлу. Как герои и короли. Они существуют только в легендах. Где-то там, не тут. Таборлин Великий призвал огонь и молнию и сокрушил демонов. Тейлу поверг их руками своими, и демоны с воем бежали в безымянную бездну. Чтобы твой друг детства затоптал демона ногами на дороге в Бейдн-Брит — такого просто не бывает. Чужья какая-то!

Коут взъерошил свои рыжие волосы и нарушил молчание.

— Ну, есть способ узнать наверняка, — сказал он и полез в карман. — Железо или огонь.

Он достал увесистый кожаный кошелек.

— И еще имя Господне, — заметил Грэм. — Трех вещей страшатся демоны: холодного железа, чистого огня и святого имени Божия.

Трактирщик поджал губы: не то чтобы нахмурился, но почти.

— Ну да, конечно, — сказал он, опорожнил кошелек на стол и принялся копать в монетах: увесистых серебряных талан-

тах и узких серебряных битах, медных йотах, ломаных полупенни и железных драбах. — Шима ни у кого не найдется?

— Да возьми драб, — сказал Джейк. — Там железо хорошее.

— А мне нужно плохое, — возразил трактирщик. — В драбе угля многовато. Это не железо, это почти сталь.

— Он дело говорит, — сказал ученик кузнеца. — Только это не уголь. Для стали используется кокс. Кокс и известь.

Трактирщик уважительно кивнул мальчику:

— Тебе лучше знать, молодой человек. В конце концов, это же твое ремесло.

Его длинные пальцы наконец нащупали и достали из кучи монеток шим.

— Вот он!

— И что с ним делать? — спросил Джейк.

— Ну, — неуверенным тоном сказал Коб, — железо убивает демонов, но этот-то уже и так дохлый. Может, ничего и не будет...

— Ну, есть только один способ это выяснить.

Трактирщик по очереди посмотрел в глаза каждому из них, словно определял им цену. Потом решительно повернулся к столу. Все подались еще дальше.

Коут прижал железный шим к черному боку твари. Пслышался отрывистый резкий хлопок, будто сосновое полено треснуло в печи. Все вздрогнули, потом успокоились, видя, что черная тварь осталась неподвижной. Коб и прочие обменялись робкими улыбками, точно мальчишки, наслушавшиеся страшных историй. Но их улыбки тут же сделались кислыми: комната наполнилась сладковатым, резким запахом гниющих цветов и паленого волоса.

Трактирщик щелкнул шимом о стол.

— Ну, — сказал он, отряхивая руки о фартук, — полагаю, вопрос решен. И что теперь делать?

Несколько часов спустя трактирщик стоял в дверях «Путеводного камня» и смотрел в темноту, давая отдых глазам. Свет из окон трактира проложил тропинку поперек проселочной дороги к дверям кузницы напротив. Дорога была не особо широкая, и ездили по ней мало. Она как будто никуда не